

Алеша Попович и Тугарин (2)

Из славного Ростова, красна города,
Как два ясные сокола вылетывали,
Выезжали два могучие богатыря,
Что по имени Алешенька Попович млад,
А со молодым Екимом Ивановичем.
Они ездят, богатыри, плечо о плечо,
Стремянно в стремянно богатырское,
Они ездили гуляли по чисту полю,
Ничего они в чистом поли не наезживали,
Не видали они птицы перелетные,
Не видали они зверя прыскачюго,
Только в чистом поли наехали —
Лежат три дороги широкие;
Промежу тех дорог лежит горяч камень,
А на камению подпись подписана.
Возговорит Алеша Попович млад:
«А и ты, братец Еким Иванович,
В грамоте поученной человек,
Посмотри на каминю подписи,
Что на каминю подписано».
И скочил Еким со добра коня,
Посмотрел на каминю подписи;
Росписаны дороги широкие:
Первая дорога в Муром лежит,
Другая дорога в Чернигов-град,
Третья ко городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру.
Говорил тут Еким Иванович:
«А и, братец Алеша Попович млад,
Которой дорогой изволишь ехать?»
Говорил ему Алеша Попович млад:
«Лучше нам ехать ко городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру».
В та поры поворотили добрых коней
И поехали ко городу ко Киеву.

Не доехавши они до Сафат-реки,
Становились на лугах на зеленых:
Надо Алеше покормить добрых коней,
Расставили тут два бела шатра,
Что изволил Алеша опочив держать.
А и мало время позамешкавши,
Молодой Еким со добры кони,
Стреножимши, в зелен луг пустил,
Сам ложился в свой шатер, опочив держать.
Прошла та ночь осенняя;
Ото сна Алеша пробуждается,
Встает рано-ранёшенько,
Утренней зарею умывается,
Белую ширинкою утирается,
На восток он, Алеша, богу молится,
Молодой Еким, сын Иванович,
Скоро сходил по добрых коней,
А сводил он поить на Сафат на реку;
И приказал ему Алеша
Скоро седлать добрых коней.
Оседлавши, он, Еким, добрых коней,
Наряжаются они ехать ко городу ко Киеву.
Пришел тут к ним калика перехожий:
Лапотки на нем семи шелков,
Подковырены чистым серебром,
Личико унизано красным золотом,
Шуба соболиная, долгополая,
Шляпа сорочинская земли греческой,
В тридцать пуд шелепуга¹ подорожная,
В пятьдесят пуд налита свинцу чебурацкого²,
Говорил таково слово:
«Гой вы еси, удалы добры молодцы!
Видел я Тугарина Змеевича:
В вышину ли он, Тугарин, трех сажен,
Промежу плечей косая сажень,
Промежу глаз калена стрела;
Конь под ним как лютой зверь,
Из хайлища³ пламень пышет,
Из ушей дым столбом стоит».

Привязался Алеша Попович млад:
«А и ты, братец калика перехожая!
Дай мне платье каличье,
Возьми мое богатырское:
Лапотки свои семи шелков,
Подковырены чистым серебром,
Личико унизано красным золотом,
Шубу свою соболиную, долгополую,
Шляпу сорочинскую земли греческой,
В тридцать пуд шелепугу подорожную,
В пятьдесят пуд налиту свинцу чебурацкого».
Дает свое платье калика Алеше Поповичу,
Не отказываячи, а на себя надевал
То платье богатырское.
Скоро Алеша каликою наряжается,
И взял шелепугу дорожную,
Котора была в пятьдесят пуд,
И взял в запас чингалище⁴ булатное,
Пошел за Сафат-реку.
Завидел тут Тугарин Змеевич млад,
Заревел зычным голосом;
Подрогнула дубравушка зеленая,
Алеша Попович едва жив идет.
Говорил тут Тугарин Змеевич млад:
«Гой еси калика перехожая.
А где ты слышал и где ты видал
Про молода Алешу Поповича?
А и я бы Алешу копьем заколол,
Копьем заколол и огнем спалил».
Говорит тут Алеша каликою:
«Ай ты ой еси, Тугарин Змеевич млад!
Поезжай поближе ко мне,
Не слышу я, что ты говоришь».
И подъезжал к нему Тугарин Змеевич млад,
Сверстался Алеша Попович млад
Против Тугарина Змеевича,
Хлестнул его шелепугою по буйной голове,
Расшиб ему буйну голову,
И упал Тугарин на сыру землю;

Скочил ему Алеша на черную грудь.
В та поры взмолился Тугарин Змеевич млад:
«Гой еси ты, калика перехожая!
Не ты ли Алеша Попович млад?
Только ты Алеша Попович млад,
Сем побратуемся с тобой».
В та поры Алеша врагу не веровал,
Отрезал ему голову прочь,
Платье с него снимал цветное
На сто тысячей — и все платье на себя надевал,
Садился на его добра коня,
И поехал к своим белым шатрам.
В та поры увидели Еким Иванович
И калика перехожая,
Испужались его, сели на добрых коней,
Побежали ко городу Ростову;
И постигает их Алеша Попович млад,
Обернется Еким Иванович,
Он выдергивал палицу боёвую в тридцать пуд,
Бросил назад себя:
Показалось ему, что Тугарин Змеевич млад,
И угодил в груди белыя Алеши Поповича,
Сшиб из седеличка черкасского,
И упал он на сыру землю.
В та поры Еким Иванович
Скочил со добра коня, сел на груди ему,
Хочет пороть груди белые,
И увидел на нем золот чуден крест,
Сам заплакал, говорил калике перехожему:
«По грехам надо мною, Еким, учинилося,
Что убил своего братца родимого!»
И стали его оба трясти и качать,
И потом подали ему питья заморского;
От того он и здрав стал.
Стали они говорити и между собою платьем меняти:
Калика свое платье надевал каличье,
А Алеша свое богатырское,
А Тугарина Змеевича платье цветное
Клали в чемодан себе.

Сели они на добрых коней
И поехали все ко городу ко Киеву,
Ко ласковому князю Владимиру.
А и будут они в городе Киеве
На княженецком дворе,
Скочили со добрых коней,
Привязали к дубовым столбам,
Пошли во светлы гридни⁵;
Молятся спасову образу
И бьют челом, поклоняются
Князю Владимиру и княгине Апраксевне
И на все четыре стороны.
Говорил им ласковый Владимир князь:
«Гой вы еси, добры молодцы!
Скажитесь, как вас по имени зовут,
А по имени вам можно место дать,
По изотчеству можно пожаловати».
Говорит тут Алеша Попович млад:
«Меня, осударь, зовут Алешею Поповичем,
Из города Ростова, старого попа соборного».
В та поры Владимир князь обрадовался,
Говорил таковы слова:
«Гой еси, Алеша Попович млад!
По отечеству садися в большое место, в передний уголок,
В другое место в богатырское,
В дубову скамью против меня,
В третье место, куда сам захошь».
Не садился Алеша в место большое
И не садился в дубову скамью,
Сел он со своими товарищи на палатной брус.
Мало время позамешкавши,
Несут Тугарина Змеевича,
На той доске красно золота
Двенадцать могучих богатырей,
Сажали в место большое,
И подле него сидела княгиня Апраксевна.
Тут повары были догадливы,
Понесли яства сахарные и питья медвяные,
А питья все заморские,

Стали тут пить-есть, прохлаждатися.
А Тугарин Змеевич нечестно хлеба ест:
По целой ковриге за щеку мечет,
Те ковриги монастырские,
И нечестно Тугарин питья пьет:
По целой чаше охлестывает,
Котора чаша в полтретья ведра;
И говорил в та поры Алеша Попович млад:
«Гой еси ты, ласковый сударь Владимир князь!
Что у тебя за болван пришел,
Что за дурак неотесанной?
Нечестно у князя за столом сидит,
Княгиню он, собака, целует в уста сахарные,
Тебе, князю, насмехается.
А у моего сударя-батюшка
Была собачища старая,
Насилу по подстолью таскалася,
И костью та собака подавилася;
Взял ее за хвост, под гору махнул.
От меня Тугарину то же будет».
Тугарин почернел, как осенняя ночь,
Алеша Попович стал, как светел месяц.
И опять в та поры повары были догадливы,
Носят яства сахарные и принесли лебедушку белую.
И ту рушала княгиня лебедь белую,
Обрезала рученьку левую,
Завернула рукавцом, под стол опустила.
Говорила таково слово:
«Гой вы еси, княгини, боярыни!
Либо мне резать лебедь белую,
Либо смотреть на мил живот,
На молода Тугарина Змеевича».
Он, взявши, Тугарин, лебедь белую,
Всю вдруг проглотил,
Еще тут же ковригу монастырскую;
Говорит Алеша на палатном брусу:
«Гой еси, ласковой осударь Владимир-князь!
Что у тебя за болван сидит,
Что за дурак неотесанной?»

Нечестно за столом сидит,
Нечестно хлеба с солью ест:
По целой ковриге за щеку мечет
И целу лебедушку вдруг проглотил.
У моего сударя-батюшка,
Федора, попа ростовского,
Была коровица старая,
Насилу по двору таскалася,
Забилася на поварню к поварам,
Выпила чан браги пресные,
От того она лопнула;
Взял за хвост, под гору махнул.
От меня Тугарину то же будет».
Тугарин потемнел, как осенняя ночь,
Выдернул чингалище булатное,
Бросил в Алешу Поповича;
Алеша на то-то верток был,
Не мог Тугарин попасть в него;
Подхватил чингалище Еким Иванович,
Говорил Алеше Поповичу:
«Сам ли ты бросаешь в него, али мне велишь?»
— «Нет, я сам не бросаю и тебе не велю!
Заутра с ним переведаюсь,
Бьюсь я с ним о велик заклад,
Не о ста рублях, не о тысяче,
А бьюсь о своей буйной голове».
В та поры князи и бояра
Скочили на резвы ноги,
И все за Тугарина поруки держат:
Князи кладут по сту рублей;
Бояре по пятидесят, крестьяне по пяти рублей,
Тут же случилися гости купеческие:
Три корабля свои подписывают
Под Тугарина Змеевича,
Всякие товары заморские,
Которы стоят на быстром Днепре.
А за Алешу подписывал владыка черниговский.
В та поры Тугарин взвился и вон ушел,
Садился на своего добра коня,

Поднялся на бумажных крыльях под небесью летать.
Скочила княгиня Апраксевна на резвы ноги,
Стала пенять Алеше Поповичу:
«Деревенщина ты, засельщина!
Не дал посидеть другу милому».
В та поры того Алеша не слушался,
Взвился с товарищи и вон пошел,
Садился на добры кони,
Поехали ко Сафат-реке,
Поставили белы шатры,
Стали опочив держать,
Коней отпустили в зелены луга.
Тут Алеша всю ночь не спал,
Молился богу со слезами:
«Создай, боже, тучу грозную,
А и тучи-то с градом дождя».
Алешины молитвы доходны ко христу:
Дает господь бог тучу с градом дождя,
Замочило Тугарина крылья бумажные;
Падает Тугарин, как собака на сыру землю.
Приходил Еким Иванович,
Сказал Алеше Поповичу,
Что видел Тугарина на сырой земле,
И скоро Алеша наряжается,
Садился на добра коня,
Взял одну сабельку вострую
И поехал к Тугарину Змеевичу.
Увидел Тугарин Змеевич Алешу Поповича,
Заревел зычным голосом:
«Гой еси, Алеша Попович млад:
Хошь ли я тебя огнем спалю,
Хошь ли, Алеша, конем стопчу,
Али тебя, Алешу, копьем заколю?»
Говорил ему Алеша Попович млад:
«Гой ты еси, Тугарин Змеевич млад!
Бился ты со мною о велик заклад,
Биться, драться един на един,
А за тобою ноне силы сметы нет
На меня, Алешу Поповича».

Оглянется Тугарин назад себя,
В та поры Алеша подскочил, ему голову срубил;
И пала голова на сыру землю, как пивной котел.
Алеша скочил со добра коня,
Отвязал чембур от добра коня
И проколол уши у головы Тугарина Змеевича,
И привязал к добру коню,
И привез в Киев град на княженецкой двор,
Бросил среди двора княженецого.
И увидел Алешу Владимир-князь,
Повел во светлы гридни,
Сажал за убранные столы;
Тут для Алеши и стол пошел.
Сколько время покушавши,
Говорил Владимир-князь:
«Гой еси, Алеша Попович млад!
Час ты мне свет дал;
Пожалуй, ты живи в Киеве,
Служи мне, князю Владимиру,
До-люби тебя пожалуй».
В та поры Алеша Попович млад князя не ослушался,
Стал служить верою и правдою;
А княгиня говорила Алеше Поповичу:
«Деревенщина ты, засельщина!
Разлучил меня с другом милым,
С молодым Змеем Тугаретиным».
Отвечает Алеша Попович млад:
«А ты гой еси, матушка княгиня Апраксевна!
Чуть не назвал я тебя сукою,
Сукою-то, волочайкою».
То старина, то и деяние.

1 Шелепуга — палка.

2 Чебурацкий свинец от слова «чебурак» — тяжелая гиря на бурлацкой лямке.

3 Хайлище — пасть.

4 Чингалище — кинжалище.

5 Гридня — комната, покой.

«Былины», Учпедгиз, 1938.